

Глава 5. Возвращение на передовую.

Мои раны заживали быстро, и уже на третий день после операции я смог встать с постели. Сначала я лишь медленно прохаживался по комнате, опираясь на руку Веры. Но спустя два дня уже мог ходить самостоятельно, хотя делал это медленно. Иногда я терял контроль над скоростью, шел слишком быстро, и тогда рана отзывалась резкой болью.

Моими единственными развлечениями в госпитале были долгие беседы с Верой и прогулки по длинным коридорам больницы. Иногда, устав от хождения, я шел в столовую и слушала радиопередачи, если Вера была занята.

По радио часто передавали выступления известных людей. Через речи, стихи и рассказы они обращались к слушателям с призывом: «Держитесь! Главное — это стойкость!»

Иногда вместо речей звучала музыка, но по какой-то причине с каждым днём её становилось всё меньше.

Советская разведка сообщала о напряжённых боях на всех фронтах, но где именно эти сражения происходили, понять было сложно. В новостях рассказывали лишь об отдельных эпизодах: героизме пехоты, лётчиков, моряков, а также действиях партизан в тылу врага. Но ни мест боёв, ни имён командиров не упоминали.

Иногда дикторы зачитывали признания немецких военнопленных. Из них ясно было видно, что даже среди офицеров растут антивоенные настроения, ненависть к войне и утрата всякой веры в победу. Говорили, что Гитлер вот-вот «падёт». Но для меня, человека, попавшего сюда из другого времени, это звучало лишь как утешительная пропаганда. Я-то знал, что на самом деле немецкие войска уже подступали к Москве и стояли на окраинах Ленинграда. Эта мысль вызывала у меня тревогу и беспокойство.

Когда я вернулся из столовой после очередного выпуска новостей, в палату как раз зашёл мой лечащий врач. Я не удержался и спросил его:

– Когда вы меня выпишете?

– Если всё пойдёт так же хорошо, как сейчас, через дней десять можно будет вынести вопрос на комиссию. Если они подтвердят, что вы здоровы, сможете выйти, – ответил врач.

Как только он ушёл, я решил проверить своё состояние. Наклониться мне было почти не больно, но стоило резко выпрямиться, как рана отозвалась острой, будто электрической, болью...

Я лег на кровать и в очередной раз задумался, как бездарно проходит ещё один день. С тоской я смотрел на приоткрытую дверь, надеясь, что Вера скоро придёт и мы снова поговорим.

И в этот момент дверь открылась, и вошла Вера. За ней следовало ещё человек десять. В тусклом свете лампы я сразу понял, что это офицеры высокого ранга. Тот, кто шёл сразу за Верой, носил погоны с двумя звёздами на красном ромбе. Генерал-майор?! Я был ошеломлен. Быстро сел на кровати, спустил ноги, нащупал свои обветшалые больничные тапочки и встал, растерянно глядя на эту группу военных.

– Рита, – заговорила Вера. – Товарищ маршал пришёл навестить тебя.

– Маршал?! – Я не мог поверить своим ушам. Сам маршал Советского Союза - в госпитале, чтобы увидеть такую простую солдатку, как я? Я почувствовал, что теряю контроль над собой, и поспешно спросил: – Какой маршал?

– Конечно, маршал Ворошилов! – Вера говорила с лёгким упрёком, словно я должен был знать, что командующий Ленинградским Фронтом - именно он.

– Здравствуйте, товарищ Рита! – Ворошилов вышел из-за спины генерал-майора и громко произнёс, басовито, с чисто мужской уверенностью. – Мне рассказали о вас в штабе, от начальника оперативного отдела, полковника Королёва. Сказали, что вы проявили себя блестяще в бою...

– Служу Советскому Союзу! – ответил я на одном дыхании, изо всех сил пытаюсь справиться с волнением. Только теперь я заметил, что Ворошилов протягивает мне руку. Я совсем забыл о воинском приветствии, поспешно сделал шаг вперёд, чуть не споткнувшись о тапочек, и крепко пожал руку маршала.

– Объявляйте, генерал-майор Челохов, – обратился маршал к офицеру рядом.

Генерал-майор Челохов вытащил из кармана документ и громко зачитал:

– За выдающиеся заслуги младшего сержанта Осаниной Маргариты в ходе обороны противовоздушной станции, а также за проявленное мужество при отражении атак немецких войск, командование Ленинградского Фронта постановило наградить её орденом Красного Знамени и медалью "За Отвагу". Ставка Ленинградского Фронта. 3 сентября 1941 года.

Маршал взял две сверкающие награды из рук стоявшего рядом офицера и прикрепил их к моей больничной рубашке. Затем он вновь протянул руку, чтобы пожать мою, и поздравил меня. После этого он спросил:

– Если у вас есть какие-то просьбы, озвучьте их сейчас. Я лично распоряжусь, чтобы вам помогли.

– Я хочу вернуться на фронт, – сказал я. Других просьб мне просто не пришло в голову, и я выбрал то, что казалось самым простым и приемлемым.

Ворошилов задумался на мгновение и обернулся к Вере:

– Товарищ медсестра, как обстоят дела с её состоянием? Её можно выписывать?

– Пока что нет, – без малейшего волнения ответила Вера, словно вовсе не маршал перед ней стоял. – Ей нужно ещё минимум неделю восстанавливаться.

– Понял, – кивнул он и, похлопав меня по плечу, сказал:

– Товарищ Рита, как видите, даже медсестра говорит, что сейчас нельзя. Поэтому оставайтесь в больнице ещё десять дней. А через десять дней я лично распоряжусь, чтобы вас отправили на фронт.

– Тогда до свидания, – сказал он, снова пожал мне руку и направился к выходу. За ним последовала вся группа офицеров.

Спустя десять дней в больницу пришёл молодой лейтенант. Он сказал, что прибыл по поручению командования фронта, чтобы доставить меня в штаб ПВО. Он также передал мне новенькую военную форму, удостоверение и приказ о переводе.

Когда я надел новую форму, то заметил, что на петлицах были треугольные нашивки сержанта. Я сразу обратился к лейтенанту:

– Товарищ лейтенант, посмотрите, не произошло ли ошибки. Я младший сержант, а это форма сержанта.

Лейтенант взглянул на форму и, не раздумывая, ответил:

– Нет никакой ошибки. Прежде чем приехать сюда, я проверил ваше удостоверение и приказ. Там указано, что вам присвоено звание сержанта. Поздравляю!

Он протянул руку, чтобы поздравить меня, и я растерянно ответил на его жест.

Когда машина доставила нас к штабу ПВО на берегу Невы, лейтенант проводил меня в дежурную комнату, где передал меня другому офицеру - дежурному старшине. После этого лейтенант попрощался и ушёл.

Старшина отвёл меня на второй этаж, где находился кабинет начальника отдела кадров. Это

был пожилой лысеющий майор. Я быстро достал из кармана формы удостоверение и приказ и вручил их ему.

Майор нахмурился, перелистал бумаги, прочитал приказ и сказал:

– Немцы усилили бомбардировки, и у нас в подразделениях ПВО остро не хватает людей. Все зоны нуждаются в подкреплении. Куда бы вы хотели отправиться?

– Можно ли вернуться в 171-й наблюдательный пункт? – робко спросил я.

– 171-й пункт? Он не относится к нашей зоне ответственности, – ответил он без осуждения, но я понял, что вернуться туда мне не удастся.

– А куда меня могут направить?

– На Пулковские Высоты. Это щит Ленинграда, но они подвергаются постоянным немецким бомбардировкам, а силы ПВО там очень слабы.

– Хорошо, – согласился я. Для меня главное - это снова быть полезной. – Я подчиняюсь распоряжению.

– Тогда через двадцать минут отправляется машина с боеприпасами на Пулковские Высоты. Вы поедете на ней. Сейчас идите в дежурную комнату к старшине, он организует всё необходимое.

– Так точно, – ответил я, отдал честь и вышел из кабинета.

<http://bllate.org/book/16020/1429198>